

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Лучинкин Федор Михайлович

Соискатель кафедры судебной деятельности и уголовного процесса
Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Ижевск),
ORCID: 0000-0001-8184-769X, e-mail: fedor-luchinkin@mail.ru.

Следственная форма определяет возможность и способы использования в доказывании по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Сравнительный анализ доктринальных подходов к проблематике использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов ОРД позволяет определить предел модернизации следственной модели доказывания. Сегодня переход к состязательной уголовно-процессуальной модели доказывания по объективным причинам невозможен. Проблема оптимизации использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов ОРД может быть решена только в контексте сохранения существующей, т. е. следственной, уголовно-процессуальной модели. Решение этой проблемы через создание оперативно-розыскного права представляется неправильным. Категоричный запрет на использование в доказывании результатов ОРД необходимо снять, поскольку он устарел и не соответствует сложившимся правовым реалиям. В перспективе в увязке с реформой предварительного расследования возможна более радикальная деформализация использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам.

Ключевые слова: результаты оперативно-розыскной деятельности, доказывание, уголовное судопроизводство, следственная модель, состязательная модель

Для цитирования: Лучинкин Ф. М. Проблемы использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 3. С. 5–14. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_3_5.

PROBLEMS OF USING THE RESULTS OF OPERATIVE-RESEARCH ACTIVITIES IN CRIMINAL PROCEDURE PROVING

Luchinkin Fedor

Applicant, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Izhevsk),
ORCID: 0000-0001-8184-769X, e-mail: fedor-luchinkin@mail.ru.

The investigative form determines the possibility and methods of using the results of operative-research activities in proving in criminal cases. A comparative analysis of doctrinal approaches to the problem of using the results of operative-research activities in criminal procedure proving makes it possible to determine the limit of modernization of the investigative model of proving. At present, the transition to an adversarial criminal procedure model of proving is impossible for objective reasons. The problem of optimizing the use of the results of operative-research activities in criminal procedure proving may be solved only if the existing, i. e. investigative, criminal procedure model is preserved. The approach to solving this problem through the creation of operative-research law seems to be wrong. The categorical ban on using the results of operative-research activities in proving must be lifted, since it is out-

dated and does not correspond to the prevailing legal realities. In the future, a more radical deformatization of the use of the results of operative-research activities in proving in criminal cases is possible in conjunction with the reform of the preliminary investigation.

Key words: results of operative-research activities, proving, criminal proceedings, investigative model, adversarial model

*For citation: Luchinkin F. (2022) Problems of using the results of operative-research activities in criminal procedure proving. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnal»*, no. 3, pp. 5–14, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2022_3_5.*

Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) представляет собой самостоятельную разновидность ретроспективного познания преступления. Поэтому бесспорна ее ключевая роль в правовом механизме противодействия преступности в ее наиболее опасных и замаскированных проявлениях¹. Никакие другие «средства» не могут заменить результаты этой деятельности в уголовно-процессуальном доказывании².

Не вызывает споров правовой и познавательный характер результатов ОРД, на что указано в п. 36.1 ст. 5 УПК РФ. Принципиальное сходство подходов законодателя к определению доказательств (ст. 74 УПК РФ) и результатов ОРД (п. 36.1 ст. 5 УПК РФ) также свидетельствует о родстве этих феноменов.

Однако в самом законе (ст. 89 УПК РФ, ст. 11 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности», далее – ФЗ об ОРД) и в доктрине заложено принципиальное различие между доказательствами и результатами ОРД, подчеркивается недопустимость непосредственного использования в доказывании последних. В современной теории уголовно-процессуальных доказательств отсутствует единство по вопросам о доказательственном значении результатов ОРД, критериях их отличия от «настоящих» уголовно-процессуальных доказательств. Правовая неопределенность статуса результатов ОРД существует и в правоприменительной практике. Правовые стандарты проведения ряда оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) подвержены существенным изменениям. Все это негативно сказывается на выявлении и раскрытии наиболее опасных и замаскированных преступлений.

Можно выделить несколько подходов к объяснению правовой природы результатов ОРД, оптимальной процедуры их использования в доказывании по уголовному делу.

Согласно первому подходу, который сформировался в советский период – до официального признания феномена ОРД, результаты ОРД могут быть использованы исключительно в качестве ориентирующей информации для построения версий, производства процессуальных действий и не могут применяться как доказательства. Советская доктрина исходила из того, что ОРД имеет вспомогательное по отношению к процессу доказывания значение для раскрытия преступлений³; сведения, полученные в результате проведения ОРМ, используются для «поиска доказательств, но не как доказательства»⁴.

Заметим, что советская уголовно-процессуальная доктрина во многом унаследовала подход к оценке доказательственного значения ОРД, который сформировался

¹ Доля Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности: моногр. М.: СПАРК, 1996. С. 3; Шматов М. А. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук. Волгоград: Волгогр. акад. МВД России, 2001. С. 79; Шумилов А. Ю. Поиск сущности современной оперативно-розыскной деятельности: взгляд сыскалога // Оперативник (сыщик). 2014. № 2. С. 7.

² Левченко О. В. Уголовно-процессуальное познание и его роль в установлении истины по делу // Государство и право. 2003. № 4. С. 72.

³ Белкин Р. С. Собираение, исследование и оценка доказательств: сущность и методы. М.: Наука, 1966. С. 38; Дорохов В. Я. Понятие доказывания // Теория доказательств в советском уголовном процессе: в 2 т. Т. 1: Часть общая / отв. ред. Н. В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1966. С. 301.

⁴ Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. С. 71.

в русской уголовно-процессуальной теории периода действия Устава уголовного судопроизводства¹ (далее – УУС).

Негласное расследование, или розыск (ст. 254 УУС), имело своим предметом событие, обладающее признаками преступления, и осуществлялось негласно; полицейское дознание (ст. 253 УУС) имело своим предметом преступление и осуществлялось процессуальными средствами предварительного следствия. При этом акты полицейского дознания допускались к прочтению в судебном следствии лишь в том случае, когда при составлении их полиция заменяла судебного следователя и когда сами акты составлялись с соблюдением правил, установленных законом для следователей. Поэтому для придания полицейскому протоколу силы следственного акта требовалось точное указание на то, что он составлен в соответствии со ст. 258 УУС, т. е. когда полиция заменяла судебного следователя. Необходимо было также, чтобы в полицейские протоколы не включались свидетельские показания². Из этого следует, что самостоятельного доказательственного значения результаты негласного розыска полиции не имели, «растворяясь» в результатах дознания и (или) предварительного следствия. При этом точного, формального разграничения негласного полицейского производства (сыска и дознания) и предварительного судебного производства (осуществляемого судебным следователем) УУС не предусматривал. Негласный розыск и дознание, производимые полицией, как бы «сливаясь» с предварительным следствием, преследовали общую цель – действительное выяснение картины преступления или события, имеющего признаки такового³.

Таким образом, ни в советский период, ни во время действия УУС не существовало проблемы использования в доказывании, в судебном следствии результатов негласного уголовного розыска. Она была искусственно создана позднее – после принятия в 1992 г. первого закона об ОРД⁴ и доктринального признания ОРД как самостоятельного правового феномена⁵.

Потребность в отграничении ОРД от уголовного процесса была осознана в советской правовой культуре после критического осмысления сталинских репрессий и роли в них спецслужб, а также принятия следственного стандарта доказывания по УПК РСФСР 1961 г. Лицемерие советской доктрины состояло в том, что она закрывала глаза на распространенную практику внепроцессуального информирования судьи о результатах ОРД, что подчас предопределяло его решение⁶.

Отсутствие феномена ОРД как самостоятельного правового явления исключало сам предмет спора о природе ОРД, равно как о ее результатах.

В постсоветской юридической парадигме указанный подход может считаться устаревшим. Хотя и сейчас есть специалисты, отказывающие результатам ОРД в статусе доказательств⁷. К их числу можно отнести Е. А. Долю, по мнению которого, результаты ОРД не могут и не должны рассматриваться как доказательства даже после проверки уголовно-процессуальными методами, ибо проверяются сами доказательства, а не результаты ОРД⁸. Свой тезис этот автор основывает на том, что результаты ОРД и доказательства различаются по источнику, содержанию, методам получения. Источники ОРД – это уполномоченные законом субъекты, а источники доказательств – лица, имеющие определенный процессуальный статус; содержание оперативно-розыскных данных шире, чем содержание доказательств по уголовному делу; методы

¹ Устав уголовного судопроизводства: сист. коммент. Ст. ст. 249–594 / под общ. ред. М. Н. Гернета. М.: Т-во Тип. А. И. Мамонтова, 1914. Вып. 3. С. 583–587, 593–596, 600–604.

² Там же. С. 602.

³ Там же. С. 583.

⁴ Закон РФ от 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности».

⁵ Бедняков Д. И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М.: Юрид. лит., 1991. С. 4.

⁶ Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Н. Новгород: Нижегород. правовая акад., 2001. С. 5.

⁷ Григорьев В. Н. Некоторые суждения о результатах оперативно-розыскной деятельности // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 48–52; Сорокин И. Н. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Концепт. 2014. № 12. С. 146.

⁸ Доля Е. А. Результатам оперативно-розыскной деятельности нельзя придавать статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. 2007. № 6. С. 39.

собираения оперативной информации – ОРМ, а методы соби́рания доказательств – следственные и судебные действия¹.

Несмотря на кажущуюся правильность, подобные рассуждения не соответствуют общему смыслу действующего законодательства и реалиям правоприменительной практики. Суды, оценивая допустимость результатов ОРМ, исходят не только из требований уголовно-процессуального закона, но и норм оперативно-розыскного законодательства. Есть множество приговоров, в которых суды прямо ссылаются на ФЗ об ОРД, другие нормативные правовые акты² в обоснование допустимости использования в доказывании результатов ОРД³.

Можно утверждать, что правила документирования хода и результатов гласных и негласных ОРМ различной отраслевой принадлежности имеют значение гарантий законности и обеспечения прав личности, а также их достоверности, т. е. составляют межотраслевой правовой стандарт допустимости их представления и исследования в суде в качестве судебных доказательств.

Хотя правовой определенности, единой судебной практики по данному вопросу нет, можно согласиться с тем, что сегодня наблюдается тенденция к унификации правового стандарта проведения некоторых, например гласных, ОРМ и формы следственных действий, а потому и доказательственное значение тех и других может трактоваться как одинаковое⁴. В уравнивании результатов ОРД и доказательств, получаемых в уголовно-процессуальной форме, заключается суть второго подхода. Его представителями являются многие видные российские ученые⁵. Так, по мнению В. М. Бозрова, в ОРД, независимо от того, проводится она до или во время уголовного процесса, уже присутствует процессуальный, правовой аспект. В обоснование данного вывода он приводит следующие доводы: во-первых, часть ОРМ проводится по судебному решению; во-вторых, лицо, ведущее производство по уголовному делу и иницилирующее ОРД, само наделено процессуальными полномочиями; в-третьих, ФЗ об ОРД входит в систему источников уголовно-процессуального права⁶.

Таким образом, в рамках данного подхода при сохранении существующей формы досудебного производства предлагается уравнивать в доказательственном значении результаты ОРД и уголовно-процессуальной деятельности. Оговорки сторонников этого подхода о том, что результаты ОРМ, содержащие сообщаемые лицами сведения, не должны иметь самостоятельного доказательственного значения без их проверки в ходе судебных допросов, не меняют существа указанного подхода⁷.

¹ Доля Е. А. Указ. соч. С. 39.

² Приказ МВД России, МО России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд»; приказ Министерства внутренних дел РФ от 1 апреля 2014 г. № 199 (ред. от 17 апреля 2017 г.) «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств».

³ См., например: приговор Малмыжского районного суда Кировской области от 23 июня 2020 г. по делу № 1-2/19/2020 (12001330008000003) о признании С.К.Н. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228.1 УК РФ; приговор Шпаковского районного суда Ставропольского края от 8 октября 2020 г. по делу № 1-185/2020 о признании виновным О.И.С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 290 УК РФ.

⁴ Муравьев М. В. К вопросу о правовом феномене гласных оперативно-розыскных мероприятий как элементе формирования уголовно-процессуальных доказательств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1. С. 241–245.

⁵ Бозров В. Результатам оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств // Российская юстиция. 2004. № 4. С. 48; Александров А. С., Терехин В. В., Кухта А. А. О правовом значении результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий для уголовного дела и реформы досудебного уголовного процесса // Уголовное право. 2009. № 6. С. 77–81; Александров А. С., Кучерук Д. С. Результаты ОРМ – база приговора? Статья 1. Российский и международный опыт // Российский следователь. 2012. № 4. С. 32–35.

⁶ Бозров В. Указ. соч. С. 48.

⁷ Муравьев М. В. Использование в уголовно-процессуальном доказывании информации, полученной в ходе гласных оперативно-розыскных мероприятий: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2021. С. 15.

Именно второй подход к пониманию правовой природы результатов ОРД, с нашей точки зрения, заслуживает положительной оценки, поскольку учитывает, с одной стороны, отличие ОРД от уголовно-процессуальной деятельности, а с другой – удовлетворяет практическую потребность в использовании результатов ОРД в доказывании с наименьшими процессуальными издержками. По нашему мнению, важным достоинством этого подхода является его целесообразность и прагматичность. Не менее важно и то, что он не предполагает проведение радикальной реформы предварительного расследования и разрушение существующего уголовно-процессуального «строя».

К указанному подходу примыкает позиция М. П. Полякова, согласно которой результаты ОРД являются альтернативными доказательствами и их оценка на предмет уголовно-процессуальной допустимости происходит в рамках самой ОРД¹. По мнению сторонников этой концепции, правила допустимости оперативной информации остаются, но проверка на предмет их соблюдения переносится на этап оперативного документирования.

В целом концепция о допуске к использованию в доказывании результатов ОРД предполагает унификацию уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной формы, но не их параллельное существование, к которому ведет создание самостоятельной отрасли права (оперативно-розыскного).

При всех своих различиях первый и второй подходы сходятся в том, что результаты ОРД фактически признаются доказательствами, хотя формально таковыми не являются. Значит, корень проблемы – в следственной форме. И различия в подходах определяются тем, насколько радикально их сторонники предлагают эту форму изменить или даже отменить. Необходимо иметь в виду возможность исключения самого понятия ОРД, как это было в модели доказывания по УУС и в первых советских кодексах или как это имеет место в тех правовых системах, где нет ОРД как правового явления, сосуществующего и конкурирующего с «классическим» уголовно-процессуальным доказыванием.

В рамках третьего подхода к пониманию правовой природы результатов ОРД констатируется, что ОРД как деятельность негласная нуждается в процессуальном контроле, иначе высок риск привлечения к уголовной ответственности лиц по непроверенным данным. Оперативно-розыскные данные могут обрести доказательственное значение, но только после того, как будут проверены уголовно-процессуальными средствами на предмет их соответствия требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом². Из этого вытекает положение о том, что «...изначально материалы оперативно-розыскных мероприятий доказательствами не являются. Они представляют собой лишь сведения об источниках фактов, которые в дальнейшем, после надлежащего процессуального закрепления, могут стать доказательствами по уголовному делу»³.

Поскольку этот подход более всего совпадает с требованиями закона, его можно считать господствующим. Он подтверждает свою действенность в судебной практике, где суды, оценивая результаты ОРД, часто делают акцент на проведении их уголовно-процессуальной проверки в ходе следствия. Так, Верховный Суд РФ констатировал, что «документы оперативно-розыскной деятельности исследованы путем производства предусмотренных УПК РФ следственных действий, вследствие чего они приобрели статус допустимых доказательств»⁴.

Однако этот подход испытывает кризис из-за упреков в формализме, снижении потенциала ОРД в противодействии преступности. На практике его былая безоговорочность ставится под сомнение решениями судов, в которых проявляется тенденция к непосредственному использованию в судебном доказывании результатов ОРД. Опыт показывает, что закрепленная в законе правовая модель использования в доказыва-

¹ Поляков М. П. Указ. соч. С. 54–55.

² Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма : Инфра-М, 2014. С. 108.

³ Назаров М. В. Перспективы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. № 4. С. 107–111.

⁴ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 10 февраля 2014 г. по делу № 2-104/13.

нии результатов ОРД не вполне соответствует современным условиям¹. Некоторые исследователи прямо утверждают, что без ликвидации запрета, предусмотренного ст. 89 УПК РФ, сложно говорить об эффективном применении в судебном доказывании результатов ОРД². Как отмечает В. В. Терехин, на методологическом уровне следует ставить вопрос об использовании в доказывании результатов ОРД в контексте перехода от следственного стандарта допустимости доказательств к состязательному стандарту³.

Именно на состязательный стандарт в его радикальном варианте предлагают ориентироваться сторонники следующего подхода – «радикального». По их мысли, следует кардинально переформатировать организацию досудебного производства, включая ОРД⁴. С определенными оговорками возможность такой трансформации в связи с принятием нового уголовно-процессуального кодекса допускает В. С. Балакшин⁵.

От тезиса об искусственности разделения ОРД и уголовного процесса легко перейти к утверждению о необходимости «слить» ОРД и уголовный процесс в рамках концепции уголовного розыска в широком смысле, или полицейского дознания, т. е. осуществляемой под процессуальным руководством прокурора деятельности полицейских органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступления и изобличению его виновника, получению обвинительных доказательств в обоснование уголовного иска⁶.

Сторонники «радикального» подхода предлагают стереть формальные разграничения между уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью. По их мнению, в обвинительно-состязательном процессе ОРД составляет один из уголовно-процессуальных институтов⁷. При таком подходе, как отмечает М. В. Муравьев, наиболее последовательно реализована идея соединения гласной ОРД и уголовно-процессуального доказывания в виде гласных и тайных розыскных следственных действий⁸.

Возможность реализации в позитивном праве подобного проекта подтверждает опыт правового развития ряда стран бывшего СССР, которые пошли по пути создания институтов «негласных розыскных действий» или «специальных следственных действий». Например, в УПК Украины есть гл. 21 «Негласные следственные (розыскные) действия», где под ними понимается разновидность следственных (розыскных) действий, сведения о факте и методах проведения которых не подлежат разглашению (ч. 1 ст. 246)⁹. Согласно ч. 1 ст. 256 «Использование результатов негласных следственных (розыскных) действий в доказывании» УПК Украины протоколы о проведении негласных следственных (розыскных) действий, аудио- или видеозаписи, фотоснимки, другие результаты, полученные с помощью применения технических средств, изъятые во время их проведения вещи и документы или их копии могут

¹ Балакшин В. С. Использование материалов административной деятельности и результатов оперативно-розыскных мероприятий в доказывании по уголовным делам // Российский юридический журнал. 2021. № 4. С. 101.

² Муравьев М. В. Использование в уголовно-процессуальном доказывании информации, полученной в ходе гласных оперативно-розыскных мероприятий. С. 12–13, 32; Уткин В. В. Использование в судебном доказывании по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020. С. 9–10, 210–214.

³ Терехин В. В. Допустимость доказательств в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 235.

⁴ Александров А. С. Реформа полиции, реформа обвинительной власти России – путь к евроинтеграции // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2013. № 4. С. 49–57; Его же. Каким не быть предварительному следствию // Государство и право. 2001. № 9. С. 54–62.

⁵ Балакшин В. С. Указ. соч. С. 91–101.

⁶ Александров А. С. Каким не быть предварительному следствию. С. 62.

⁷ Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / А. С. Александров и др. М.: Юрлитинформ, 2015.

⁸ Муравьев М. В. Использование в уголовно-процессуальном доказывании информации, полученной в ходе гласных оперативно-розыскных мероприятий. С. 12–14.

⁹ Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI (с изм. и доп. по состоянию на 16 августа 2022 г.) // Информ. система «Континент». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31197178#pos=5;-142 (дата обращения: 19.09.2022).

использоваться в доказывании на тех же основаниях, что и результаты проведения других следственных (розыскных) действий во время досудебного расследования.

Аналогичные институты негласных и гласных следственных действий существуют в законодательстве Казахстана и Кыргызстана. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 228 УПК Кыргызской Республики протоколы специальных следственных действий, видео- и аудиозапись, фотосъемка, другие зафиксированные с помощью технических средств результаты, изъятые предметы и документы или их копии используются в доказывании на тех же основаниях, как и результаты других следственных действий¹. В ч. 2 ст. 120 УПК Республики Казахстан говорится: «Материалы, в которых зафиксированы фактические данные о противоправных действиях, полученные с соблюдением требований законов Республики Казахстан „Об оперативно-розыскной деятельности“, „О контрразведывательной деятельности“, являются документами и могут использоваться в уголовном процессе в качестве доказательств»².

Однако такой вариант разрешения проблемы использования в доказывании результатов ОРД в нашей стране сегодня неприемлем. Основной причиной, препятствующей его реализации, является общая политико-правовая неготовность как власти, так и практических работников к новым правилам игры на уголовно-правовом поле. «Процессуализация ОРД» в ходе реформы предварительного расследования будет означать «тектонический сдвиг» в системе уголовной юстиции. Издержки от такой перестройки пока перевешивают возможные плюсы от нее. Представляется сомнительной ломка исторически сложившейся в России системы уголовной юстиции и ее построение по западным образцам в переживаемый сейчас период конфронтации с Западом.

В заключение надо сказать еще об одном подходе к разрешению анализируемой нами проблемы, который предложен теорией оперативно-розыскной деятельности. Внутренняя логика развития этой науки (и учебной дисциплины) привела ее представителей к концепции оперативно-розыскного, или уголовно-сыскного, права (законодательства)³, оперативно-розыскного кодекса⁴, который содержал бы систему норм, регулирующих порядок проведения ОРМ по аналогии со следственными действиями. Мы разделяем критическую оценку такого рода проектов. Это тупиковый путь развития отечественной правовой системы, пример умножения сущности без необходимости⁵.

Полагаем, что проблема допустимости результатов ОРМ в качестве доказательств может быть разрешена при сохранении существующего – смешанного – типа уголовного судопроизводства и следственного досудебного производства. Нет препятствий для того, чтобы на нормативном уровне приравнять результаты ОРД к доказательствам при условии смягчения категоричной формулировки, содержащейся в ст. 89 УПК РФ. В связи с этим предлагаем следующую редакцию ст. 89 УПК РФ: «Результаты оперативно-розыскной деятельности в виде материалов и информации, полученные и представленные в соответствии с действующим законодательством, могут использоваться в уголовном процессе в качестве доказательств».

В отдаленной перспективе может быть проведена реформа предварительного расследования и реализован более радикальный проект использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов гласной и негласной деятельности органов уголовного розыска и предварительного расследования по выявлению, расследованию и раскрытию преступлений и изобличению причастных к их совершению лиц.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 129 (с изм. от 18 января 2022 г.) // Информ. система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004 (дата обращения: 19.09.2022).

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изм. и доп. по состоянию на 12 сентября 2022 г.) // Информ. система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 19.09.2022).

³ Шумилов А. Ю. К формированию уголовно-розыскного права // Правоведение. 1995. № 1. С. 45–51.

⁴ Луговик В. Ф. Концепция и новации проекта оперативно-розыскного кодекса // Научный вестник Омской Академии МВД России. 2015. № 4. С. 73–75.

⁵ Александров А. С. Реформа полиции, реформа обвинительной власти России – путь к евроинтеграции. С. 56; Муравьев М. В. Использование в уголовно-процессуальном доказывании информации, полученной в ходе гласных оперативно-розыскных мероприятий. С. 5, 12, 220.

Список литературы

Александров А. С. Каким не быть предварительному следствию // Государство и право. 2001. № 9. С. 54–62.

Александров А. С. Реформа полиции, реформа обвинительной власти России – путь к евроинтеграции // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2013. № 4. С. 49–57.

Александров А. С., Кучерук Д. С. Результаты ОРМ – база приговора? Статья 1. Российский и международный опыт // Российский следователь. 2012. № 4. С. 32–36.

Александров А. С., Терехин В. В., Кухта А. А. О правовом значении результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий для уголовного дела и реформы досудебного уголовного процесса // Уголовное право. 2009. № 6. С. 77–81.

Балакшин В. С. Использование материалов административной деятельности и результатов оперативно-розыскных мероприятий в доказывании по уголовным делам // Российский юридический журнал. 2021. № 4. С. 91–101.

Бедняков Д. И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М.: Юрид. лит., 1991. 208 с.

Белкин Р. С. Собираение, исследование и оценка доказательств: сущность и методы. М.: Наука, 1966. 295 с.

Бозров В. Результатам оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств // Российская юстиция. 2004. № 4. С. 46–48.

Григорьев В. Н. Некоторые суждения о результатах оперативно-розыскной деятельности // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 48–52.

Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / А. С. Александров и др. М.: Юрлитинформ, 2015. 299 с.

Доля Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности: моногр. М.: СПАРК, 1996. 111 с.

Доля Е. А. Результатам оперативно-розыскной деятельности нельзя придавать статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. 2007. № 6. С. 38–42.

Дорохов В. Я. Понятие доказывания // Теория доказательств в советском уголовном процессе: в 2 т. Т. 1: Часть общая / отв. ред. Н. В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1966. С. 291–312.

Левченко О. В. Уголовно-процессуальное познание и его роль в установлении истины по делу // Государство и право. 2003. № 4. С. 68–75.

Луговик В. Ф. Концепция и новации проекта оперативно-розыскного кодекса // Научный вестник Омской Академии МВД России. 2015. № 4. С. 73–75.

Муравьев М. В. Использование в уголовно-процессуальном доказывании информации, полученной в ходе гласных оперативно-розыскных мероприятий: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2021. 297 с.

Муравьев М. В. К вопросу о правовом феномене гласных оперативно-розыскных мероприятий как элементе формирования уголовно-процессуальных доказательств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1. С. 241–245.

Назаров М. В. Перспективы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. № 4. С. 107–111.

Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Н. Новгород: Нижегород. правовая акад., 2001. 260 с.

Сорокин И. Н. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Концепт. 2014. № 12. С. 146–150.

Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. 734 с.

Терехин В. В. Допустимость доказательств в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 510 с.

Устав уголовного судопроизводства: сист. коммент. Ст. ст. 249–594 / под общ. ред. М. Н. Гернета. М.: Т-во Тип. А. И. Мамонтова, 1914. Вып. 3. 944 с.

Уткин В. В. Использование в судебном доказывании по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020. 317 с.

Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма : Инфра-М, 2014. 240 с.

Шматов М. А. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук. Волгоград: Волгогр. акад. МВД России, 2001. 225 с.

Шумилов А. Ю. К формированию уголовно-розыскного права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1995. № 1. С. 45–51.

Шумилов А. Ю. Поиск сущности современной оперативно-розыскной деятельности: взгляд сысолога // Оперативник (сыщик). 2014. № 2. С. 3–13.

References

Aleksandrov A. S. (2001) Kakim ne byt' predvaritel'nomu sledstviyu [What should not be a preliminary investigation]. In *Gosudarstvo i pravo*, no. 9, pp. 54–62.

Aleksandrov A. S. (2013) Reforma politsii, reforma obvinitel'noi vlasti Rossii – put' k evrointegratsii [Police reform, reform of the prosecutorial power of Russia – the path to European integration]. In *Yuridicheskaya nauka i pravoprimeritel'naya praktika*, no. 4, pp. 49–57.

Aleksandrov A. S. (Ed.) (2015) *Doktrinal'naya model' ugovolno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava Rossiiskoi Federatsii i kommentarii k nei* [The doctrinal model of the criminal procedural evidentiary law of the Russian Federation and comments on it]. Moscow, Yurlitinform, 299 p.

Aleksandrov A. S., Kucheruk D. S. (2012) Rezul'taty ORM – baza prigovora? Stat'ya 1. Rossiiskii i mezhdunarodnyi opyt [Results of operational-search activities – the base of the sentence? Article 1. Russian and international experience]. In *Rossiiskii sledovatel'*, no. 4, pp. 32–36.

Aleksandrov A. S., Terekhin V. V., Kukhta A. A. (2009) O pravovom znachenii rezul'tatov glasnykh operativno-rozysknykh meropriyatii dlya ugovolnogo dela i reformy dosudebnogo ugovolnogo protsesssa [About legal value of results of public operational-search actions for criminal case and for reform of pre-judicial criminal trial]. In *Ugovolnoe pravo*, no. 6, pp. 77–81.

Balakshin V. S. (2021) Ispol'zovanie materialov administrativnoi deyatelnosti i rezul'tatov operativno-rozysknykh meropriyatii v dokazyvanii po ugovolnym delam [The use of materials of administrative activities and results of research operations in criminal procedure proving]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 4, pp. 91–101.

Bednyakov D. I. (1991) *Neprotsessual'naya informatsiya i rassledovanie prestuplenii* [Non-procedural information and investigation of crimes]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 208 p.

Belkin R. S. (1966) *Sobiranie, issledovanie i otsenka dokazatel'stv. Sushchnost' i metody* [Collection, research and evaluation of evidence: essence and methods]. Moscow, Nauka, 295 p.

Bozrov V. (2004) Rezul'tatam operativno-rozysknoi deyatelnosti – status dokazatel'stv [The results of operational-search activity should have the status of evidence]. In *Rossiiskaya yustitsiya*, no. 4, pp. 46–48.

Dolya E. A. (1996) *Ispol'zovanie v dokazyvanii rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatelnosti* [The use of the results of operational investigative activities in proving]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, SPARK, 111 p.

Dolya E. A. (2007) Rezul'tatam operativno-rozysknoi deyatelnosti nel'zya pridavat' status dokazatel'stv v ugovolnom protsesse [Detective data should not be deemed an evidence]. In *Rossiiskaya yustitsiya*, no. 6, pp. 38–42.

Dorokhov V. Ya. (1966) Ponyatie dokazyvaniya [The concept of proof]. In Zhogin N. V. *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom protsesse: in 2 vol. Vol. 1 Chast' obshchaya*. Moscow, Yuridicheskaya literatura, pp. 291–312.

Gernet M. N. (Ed.) (1914) *Ustav ugovolnogo sudoproizvodstva: sistemicheskii kommentarii*. St. st. 249–594 [The Statute of Criminal Proceedings: a systematic comment. Articles 249–594]. Moscow, Tovarishchestvo Tipografii A. I. Mamontova, iss. 3, 944 p.

Grigor'ev V. N. (2018) Nekotorye suzhdeniya o rezul'tatakh operativno-rozysknoi deyatelnosti [Some judgments on results of operational-search activity]. In *Sudebnaya vlast' i ugovolnyi protsess*, no. 2, pp. 48–52.

Levchenko O. V. (2003) Ugolovno-protsessual'noe poznanie i ego rol' v ustanovlenii istiny po delu [Criminal and procedural notion and its role in establishing the truth in the case]. In *Gosudarstvo i pravo*, no. 4, pp. 68–75.

Lugovik V. F. (2015) Kontseptsiya i novatsii proekta operativno-rozysknogo kodeksa [Conception and novations of the draft of the crime detection code]. In *Nauchnyi vestnik Omskoi Akademii MVD Rossii*, no. 4, pp. 73–75.

Murav'ev M. V. (2021) *Ispol'zovanie v ugovolno-protsessual'nom dokazyvanii informatsii, poluchennoi v khode glasnykh operativno-rozysknykh meropriyatii: dis. ... kand. yurid. nauk.* [The use of information obtained in the course of public operational investigative measures in criminal procedural proving: a candidate of legal sciences thesis]. Nizhny Novgorod, 297 p.

Murav'ev M. V. (2021) K voprosu o pravovom fenomene glasnykh operativno-rozysknykh meropriyatii kak elemente formirovaniya ugovolno-protsessual'nykh dokazatel'stv [To the question of the legal phenomenon of public operational-search measures as an element of the formation of criminal procedural evidence]. In *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, no. 1, pp. 241–245.

Nazarov M. V. (2021) Perspektivy ispol'zovaniya rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatelnosti v ugovolnom protsesse [Prospects of using the results of operational investigative activities in criminal proceedings]. In *Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii*, no. 4, pp. 107–111.

Polyakov M. P. (2001) *Ugolovno-protsessual'naya interpretatsiya rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti* [Criminal procedural interpretation of the results of operational investigative activities]. Nizhny Novgorod, Nizhegorodskaya pravovaya akademiya, 260 p.

Sheifer S. A. (2014) *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow, Norma : Infra-M, 240 p.

Shmatov M. A. (2001) *Teoriya operativno-rozysknoi deyatel'nosti v sisteme ugolovno-pravovykh nauk* [Theory of operational investigative activity in the system of criminal law sciences]. Volgograd, Volgogradskaya akademiya MVD Rossii, 225 p.

Shumilov A. Yu. (1995) K formirovaniyu ugolovno-rozysknogo prava [On the formation of the criminal investigation law]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, no. 1, pp. 45–51.

Shumilov A. Yu. (2014) Poisk sushchnosti sovremennoi operativno-rozysknoi deyatel'nosti: vzglyad syskologa [Search for the essence of modern operational investigative activity: the view of a detective]. In *Operativnik (syshchik)*, no. 2, pp. 3–13.

Sorokin I. N. (2014) Ispol'zovanie rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti v ugolovnom sudoproizvodstve [Using the results of operational and investigative activities in criminal proceedings]. In *Kontsept*, no. 12, pp. 146–150.

Terekhin V. V. (2016) *Dopustimost' dokazatel'stv v ugolovnom protsesse: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Admissibility of evidence in criminal proceedings: a doctor of legal sciences thesis]. Nizhny Novgorod, 510 p.

Utkin V. V. (2020) *Ispol'zovanie v sudebnom dokazyvanii po ugolovnym delam rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti: dis. ... kand. yurid. nauk* [The use of the results of operational investigative activities in judicial evidence in criminal cases: a candidate of legal sciences thesis]. Nizhny Novgorod, 317 p.

Zhogin N. V. (Ed.) (1973) *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse* [Theory of evidence in the Soviet criminal process], 2nd ed. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 734 p.